

ДЕТЕРМИНАНТЫ КРИМИНОГЕННОЙ ВИКТИМИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ

О.А. Маркова, Л.Б. Ковальчук, М.С. Кошелев

Читинский институт (филиал) Байкальского государственного университета, г. Чита,
Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

7 ноября 2017 г.

Дата принятия в печать

21 января 2019 г.

Дата онлайн-размещения

26 февраля 2019 г.

Ключевые слова

Виктимология; жертва; преступление;
Забайкальский край; трансграничье;
фактор; условие; население

Аннотация. Исследование процесса виктимизации населения в конкретном регионе актуально, поскольку позволяет определить не только факторы и условия, при которых становятся жертвами преступлений, но и факторы и условия, при которых формируются потенциальные жертвы преступного посягательства, что, в свою очередь, способствует выявлению латентной преступности, а также прогнозированию уровня преступности в регионе в целом. В статье рассматриваются вопросы виктимизации населения Забайкальского края, анализируется комплекс экономических, политических, правовых факторов виктимизации населения. Исследование показало, что на уровень удовлетворения материальных потребностей населения отрицательное влияние оказывали процессы, формирующие барьеры для развития производства, роста производительности труда, внедрения новых технологий и роста конкурентоспособности видов экономической деятельности Забайкальского края. В социальной сфере барьеры и помехи формировали процессы маргинализации (рост уровня безработицы), криминализации, социально-культурной деградации. Установлено, что механизмом влияния на результативность экономических и социальных процессов стало активное перераспределение ресурсов между процессами, удовлетворяющими потребности, и процессами, формирующими барьеры и помехи для удовлетворения данных потребностей. Перераспределение ресурсов, их потери обуславливают не только низкую результативность, но и ее неустойчивую динамику с высокой волатильностью. С использованием разработанной авторами методики оценки уровня социально-экономического развития региона, в основе которой — показатели результативности социально-экономических процессов, определяется уровень удовлетворенности основных потребностей населения в Забайкальском крае в период с 2004 по 2017 г. Исследование показывает, что на протяжении достаточно длительного периода в Забайкальском крае сохраняется устойчиво низкий уровень удовлетворения основных социально-экономических потребностей населения, что, безусловно, является существенным фактором его виктимизации. Авторами рассматривается и фактор внутренней и внешней миграции населения. Внутренняя миграция вызвана неравномерностью экономического развития регионов России, межрегиональными проблемами и ростом преступности в ряде регионов страны. Результаты исследования могут быть использованы в рамках занятий по дисциплинам «Уголовное право», «Криминология» в организациях высшего образования по направлению подготовки «Юриспруденция», а также в качестве методических рекомендаций по разработке программ профилактики преступности.

DETERMINANTS OF CRIMINOGENIC VICTIMIZATION OF TRANSBAIKAL REGION'S POPULATION

Olga A. Markova, Lyudmila B. Kovalchuk, Mikhail S. Koshelev

Chita Institute (branch) of Baikal State University, Chita, the Russian Federation

Article info

Received

2017 November 7

Accepted

2019 January 21

Available online

2019 February 26

Abstract. A study of the process of victimization of population in a specific region is highly relevant as it allows to determine not only the factors and conditions that turn a person into a crime victim, but also the factors and conditions that form potential victims of criminal infringements which, in its turn, contributes to the detection of latent crimes and the prediction of the crime level in the region as a whole. The paper examines the issues of victimization of Transbaikal Region's population, analyzes a complex of economic, political, and legal factors of population's victimization. The study shows that the satisfaction of material needs of people is harmed by the processes that create barriers for industrial development, growth of labor productivity, introduction of new technologies and growth of competitiveness of businesses in Transbaikal Region. In the social sphere, these barriers

Keywords

Victimology; victims; crime; Transbaikal Region; trans-border territories; factor; condition; population

and obstacles facilitate the processes of marginalization (growing unemployment level), criminalization, socio-cultural degradation. The mechanism influencing economic and social processes is active redistribution of resources between the processes that satisfy needs and the processes that form barriers and obstacles for the satisfaction of these needs. The redistribution of resources and their loss determine not only low effectiveness, but also its unstable dynamics and high volatility. The authors use their own methodology of evaluating the level of socio-economic development of the region based on the effectiveness indices for socio-economic processes to determine the level of satisfying basic needs of population in Transbaikal Region in 2004–2017. The study shows that over a long period of time the level of satisfying basic socio-economic needs of population has steadily remained low which, undoubtedly, is an important factor of its victimization. The authors also analyze the factor of internal and external migration. Internal migration is caused by uneven economic development of Russian regions, interethnic tensions and a growth in crime rates in a number of Russian regions. The results of this research could be used for teaching such courses as «Criminal Law», «Criminology» for the specialty «Jurisprudence» in higher educational establishments; they could also be used as methodological recommendations for developing crime prevention programs.

Согласно диалектическому закону единства и борьбы противоположностей, жертва преступления находится в неразрывной связи с личностью преступника. Однако если личность преступника всегда была в центре внимания науки, то жертва преступления стала объектом изучения лишь в прошлом веке. К проблемам виктимизации в своих исследованиях обращались как отечественные специалисты-криминологи (А.Л. Репецкая, Н.М. Рачкова, Ю.А. Воронин, А.В. Майоров, Е.В. Фролова [1–4]), так и зарубежные (М. Илиадис, А. Флин, М.Г. Абель, Б.Л. Шерман, М. Холл, А. Хэбер, М. Аалтонен [5–10]). В их работах рассматривались разнообразные аспекты виктимологии, в том числе факторы, провоцирующие преступное поведение.

Деятельность разных специалистов дала толчок развитию теории виктимологии, в частности было сформулировано понятие «виктимизация», которое означает процесс или результат превращения субъекта в жертву преступного посягательства, а также результат функционального воздействия преступности в целом на потерпевших, членов их семей, социальные группы и общности [11; 12]. Несмотря на то что многими зарубежными криминологами критикуется взгляд на виктимизацию как на модель для описания характерных особенностей и свойств жертв преступлений [13; 14], в отечественной науке этот подход имеет много сторонников [15–17]. Заслуживают внимания исследования с оригинальным техническим подходом, позволяющие наиболее точно прогнозировать социальные явления [18].

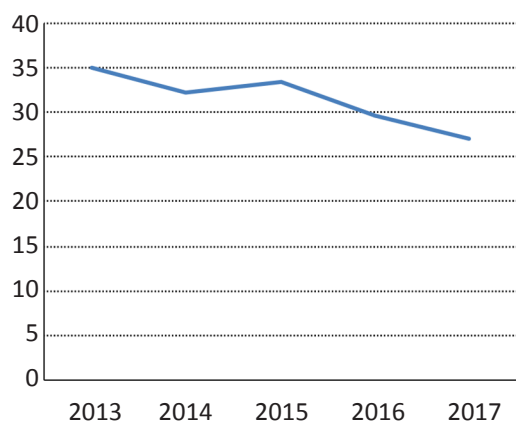
Представляется обоснованным взгляд К.В. Вишневецкого на виктимизацию как на процесс превращения личности или социальной общности в потенциальную жертву. Автор вслед

за Л.В. Франком указывает на четыре уровня виктимизации в зависимости от ее параметров: первый уровень состоит из данных о самих жертвах преступлений, второй — о членах их семей, третий — о менее близких социальных группах (трудовые коллективы, друзья, знакомые) и, наконец, четвертый уровень — о негативных последствиях для целого региона [11, с. 227; 12, с. 110–111]. Таким образом, виктимизация не только охватывает жертв преступлений и их близкое окружение, но и оказывает влияние на широкие слои населения, порождая правовой нигилизм.

Исследование процесса виктимизации населения в конкретном регионе актуально, поскольку позволяет выявить как факторы и условия, при которых становятся жертвами преступлений, так и факторы и условия, при которых формируются потенциальные жертвы преступного посягательства, что, в свою очередь, способствует выявлению латентной преступности, а также прогнозированию уровня преступности в регионе в целом.

Шансы оказаться жертвой преступления находятся в прямой пропорциональной зависимости от состояния преступности в целом. По уровню преступности Забайкальский край является одним из самых неблагополучных регионов России. Это неоднократно подчеркивалось в докладах правоохранительных органов (рис. 1)¹.

¹ Генпрокуратура назвала самые криминальные регионы России. URL: <https://www.rbc.ru/society/27/11/2017/5a1be8ce9a79474cd21f8b7b>; Преступность в Забайкалье снижается. URL: <https://cod75.ru/zakon-i-poryadok/prestupnost-v-zabajkale-snizhaetsya.html>; Доклад Росстата о социально-экономическом положении в стране. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140086922125.

Рис. 1. Количество выявленных преступлений в Забайкальском крае, тыс.

Fig. 1. Number of identified crimes in Transbaikal Region, th.

В 2017 г. в рейтинге самых криминальных регионов России Забайкальский край занимал 25-е место². Несмотря на снижение преступности, ее показатели для региона остаются весьма значительными, так как край характеризуется низкой плотностью населения. Соотношение общего количества выявленных преступлений с числом населения в регионе наглядно показывает, что Забайкальский край лидирует по уровню преступности (табл. 1).

Из представленных данных видно, что с 2011 г. Забайкальский край являлся самым «пре-

² Генпрокуратура назвала самые криминальные регионы России.

ступным» регионом России и только по итогам 2016–2017 гг. занимает второе место в этом непочетном рейтинге, уступив Республике Тыва. Таким образом, жители Забайкальского края чаще других становятся жертвами преступлений. Если же принимать во внимание все четыре уровня виктимизации, то число потенциальных жертв преступлений увеличивается многократно.

Нельзя не признавать, что жертвами преступлений довольно часто становятся не случайно. Факторами виктимизации выступают обстоятельства, которые вызывают процесс превращения в жертву, а условиями — различные явления экономического, социального и политического характера, которые его усугубляют [12, с. 227; 19, с. 120].

Среди наиболее значимых факторов, оказывающих существенное влияние на уровень виктимизации населения, выделяются социально-экономические. Влияние данных факторов на виктимизацию населения, с нашей точки зрения, следует рассматривать с позиций процессного подхода, позволяющего достаточно наглядно представить результаты разнообразных социально-экономических процессов и связать их с жизнью и деятельностью отдельных социальных групп, всего населения региона в целом.

При определении состава социально-экономических процессов, оказывающих влияние на уровень виктимизации населения, основным критерием выступали потребности населения. В целях исследования были выбраны процессы, результаты которых обеспечивают нормальную жизнедеятельность и всестороннее развитие

Таблица 1 / Table 1

Количество зарегистрированных преступлений в расчете на 100 тыс. чел.*
Number of registered crimes per 100 th. people

Год / Year	Число зарегистрированных преступлений в стране / Number of crimes registered in Russia	Число зарегистрированных преступлений в Забайкальском крае / Number of crimes registered in Transbaikal Region	Рейтинг по количеству преступлений среди субъектов РФ / Rating among subjects of the RF regarding the number of crimes
2011	1 683	2 757	1
2012	1 609	2 846	1
2013	1 539	3 196	1
2014	1 508	2 949	1
2015	1 633	3 069	1
2016	1 474	2 738	2**
2017	1 402	2 502	2***

* Составлена по данным, предоставленным по запросу УМВД по Забайкальскому краю. Ответ на запрос № 915-1181 от 14 февраля 2017 г.

** Максимальное значение этого показателя — 3 458 — зафиксировано в Республике Тыва.

*** Максимальное значение этого показателя — 3 663 — зафиксировано в Республике Тыва.

личности каждого человека. Таким образом, в состав экономических процессов вошли процессы, удовлетворяющие потребности в пище, жилье, инновациях, промышленных товарах, в безопасном передвижении. В состав социальных процессов были включены процессы, удовлетворяющие потребности в труде, восстановлении здоровья, образовании, информации, культуре, безопасности. При этом, учитывая растущий характер потребностей населения, важным критерием оценки социально-экономических процессов следует считать положительную динамику показателей их результативности, которая свидетельствует о приросте необходимых благ. Именно прирост формирует основу для социально-экономического роста и развития региона. Уменьшение количества благ, необходимых для удовлетворения существующих потребностей, или снижение их качества свидетельствует об ухудшении условий жизнедеятельности населения, ограничении возможностей для развития, что, с нашей точки зрения, является основной причиной деградации населения и фактором его виктимизации [20, с. 102].

Используя разработанную нами методику оценки уровня социально-экономического развития региона, в основе которой — показатели результативности социально-экономических процессов, оценим уровень удовлетворения основных потребностей населения в Забайкальском крае в период с 2004 по 2017 г.

Одним из ключевых моментов предлагаемой методики является использование единой шкалы оценки (от 1 до 10) в целях приведения разнокачественных показателей результативности процессов в сопоставимый вид, позволяющий осуществить их сравнение. Приведение показателей результативности процессов к единой шкале оценок осуществлялось методом линейного нормирования. На выбранной шкале наименьшее значение результативности соответствует 1, самое большое значение результативности — 10.

Исследование показывает, что на протяжении достаточно длительного времени в Забайкальском крае сохраняется устойчиво низкий уровень удовлетворения основных социально-экономических потребностей населения (табл. 2). При этом его динамику отличала

Таблица 2 / Table 2

Результативность социально-экономических процессов в Забайкальском крае, баллов
Effectiveness of social and economic processes in Transbaikal Region, points

Процесс / Process	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Производство продукции пищевой промышленности / Food industry production	10,0	6,3	7,1	5,5	0	3,4	5,8	7,4	6,2	5,7	4,4	3,1	4,9
Жилищное строительство / Housing construction	0,8	0	2,4	6,5	6,5	7,1	7,4	7,5	8,9	10,0	6,3	5,9	4,7
Улучшение жилищных условий / Improvement of living conditions	0	0,4	2,7	4,1	4,9	6,5	6,2	9,0	7,4	10,0	0	0,1	0,4
Создание инноваций / Innovations	0	0,02	0,03	0,08	0,20	0,10	0,07	10,00	8,60	0	0,40	0,90	0,40
Выпуск продукции обрабатывающей промышленности / Processing industry's production	5,1	6,0	7,6	5,6	6,1	7,2	7,6	5,7	4,9	10,0	0	3,5	4,1
Производство и распределение электроэнергии, газа, воды / Production and distribution of electric energy, gas, water	0	2,1	2,7	1,8	2,8	3,9	4,1	6,4	6,2	10,0	0	1,1	1,9
Износ основных фондов / Depreciation of fixed assets	10,0	3,1	1,1	0	1,2	3,3	4,0	1,9	2,8	3,5	1,7	2,1	3,3

Окончание табл. 2 / End of the table 2

Процесс / Process	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Развитие автомобильного сообщения / Development of automobile roads	0	0	10,0	9,3	9,3	9,3	7,3	7,8	7,8	7,1	6,1	6,3	5,1
Создание рабочих мест / Creation of workplaces	6,3	3,1	0	0	1,0	2,6	2,1	5,0	5,7	3,2	2,8	5,7	7,8
Маргинализация населения / Marginalization of population	6,7	5,7	3,7	0	2,7	5,1	5,6	6,8	2,8	3,0	10,0	6,1	5,8
Создание сети больниц / Creation of hospital network	0	1,5	6,8	5,4	6,6	0	0	5,1	10,0	9,5	0	3,3	4,1
Создание сети поликлинических учреждений / Creation of outpatient hospital network	0	5,8	5,8	10,0	1,4	10,0	7,4	0	0	0	10,0	1,1	1,6
Пауперизация населения / Pauperization of population	8,6	7,8	4,5	4,5	2,2	2,1	1,6	1,6	0,7	0	0	0,1	0,2
Дошкольное образование / Pre-school education	0	0,8	4,2	10,0	4,9	5,8	0,6	0	1,8	7,2	0	1,2	3,1
Общее среднее образование / General secondary education	0	1,9	10,0	9,9	2,4	9,8	0	1,0	0	4,1	0	2,1	3,1
Профессиональное образование / Professional education	0	5,7	6,3	6,6	6,6	4,2	0	10,0	4,3	9,4	0	1,1	1,1
Ухудшение условий обучения / Deterioration of educational conditions	9,1	7,2	3,0	1,3	0,2	1,3	0	2,4	4,1	3,1	3,1	3,4	4,4
Социокультурное развитие / Socio-cultural development	3,3	0	0,2	0,5	0,5	0,7	1,1	1,4	1,8	1,4	1,3	1,8	1,9
Социокультурная деградация / Socio-cultural deterioration	0	0	0	5,0	6,1	7,8	7,2	8,9	7,1	5,2	5,7	3,1	2,5
Криминализация населения / Criminalization of population	7,4	0	1,2	0,1	1,9	3,8	3,1	4,1	4,6	4,0	3,5	4,6	5,1
Использование информационно-коммуникационных технологий / Use of information and communication technologies	10,0	10,0	3,4	2,4	0	9,0	5,4	0	0	0	0,8	1,0	1,1

заметная волатильность, обусловленная, с нашей точки зрения, отсутствием эффективной стратегии социально-экономического развития края, позволяющей ему адекватно противостоять вызовам и угрозам внешней среды. Харак-

тер изменений в уровне удовлетворения социально-экономических потребностей населения свидетельствует о перманентном наличии социально-экономических условий деградации личности и возможностей ее виктимизации.

Среди экономических процессов, отвечающих за материальную основу развития личности, условия виктимизации формируют процессы, удовлетворяющие потребности населения в пище, жилье, товарах и услугах, инновациях. Результативность данных процессов в периоде исследования отличалась неустойчивой отрицательной динамикой, волнообразными чередованиями незначительных периодов подъема с достаточно продолжительными (в три года) периодами снижения. Чередование периодов подъема с периодами снижения результативности процессов, которые нацелены на удовлетворение экономических потребностей, включая потребности в инновациях, с нашей точки зрения, следует интерпретировать не просто как стагнацию, но как постепенное разрушение материальной основы жизнедеятельности населения, проживающего в Забайкальском крае. При этом необходимо подчеркнуть, что в экономическом блоке процессы с устойчиво высоким уровнем результативности на протяжении всего периода исследования отсутствовали.

Таким образом, сложившиеся экономические условия не только не соответствуют современным потребностям населения, но и формируют материальную основу его деградации и виктимизации.

Аналогичная ситуация наблюдалась и в отношении процессов социальной сферы. В целом результативность социальных процессов отличалась отрицательной динамикой. При этом устойчиво низкой результативностью и неустойчивой динамикой характеризовались процессы, удовлетворяющие потребности населения в труде, культуре, образовании, информации. Таким образом, и в социальной сфере Забайкальского края сформировались условия виктимизации населения.

Исследование показало, что на уровень удовлетворения материальных потребностей отрицательное влияние оказывали процессы, формирующие барьеры для развития производства, роста производительности труда, внедрения новых технологий и роста конкурентоспособности видов экономической деятельности Забайкальского края. В социальной сфере барьеры и помехи формировали процессы маргинализации (рост уровня безработицы), криминализации, социально-культурной деградации. Установлено, что механизмом влияния на результативность экономических и социальных процессов стало активное перераспределение

ресурсов между процессами, удовлетворяющими потребности, и процессами, формирующими барьеры и помехи для удовлетворения данных потребностей. Перераспределение ресурсов, их потери обуславливают не только низкую результативность, но и ее неустойчивую динамику с высокой волатильностью.

Так, в ходе исследования была выявлена взаимозависимость процессов социокультурного развития и криминализации населения Забайкальского края, о которой свидетельствует высокий коэффициент корреляции (0,93). При этом динамику результативности указанных процессов отличает явная согласованность: периоды роста результативности процесса социокультурного развития сопровождаются соответствующими периодами роста результативности процесса криминализации (рис. 2).

Похожая взаимосвязь установлена и между процессами создания рабочих мест и криминализации населения (рис. 3).

В контексте исследования факторов виктимизации важным представляется не сам факт взаимосвязи между данными процессами, но высокий уровень их согласованности, которая подтверждает системность взаимосвязей между социально-экономическими процессами и, следовательно, требует разработки комплексных системных управленческих решений, в том числе в целях предупреждения виктимизации.

Таким образом, низкий уровень результативности социально-экономических процессов в Забайкальском крае, не обеспечивающий удовлетворения наиболее важных для нормальной жизнедеятельности потребностей населения, обуславливает рост преступности, увеличивает уровень виктимизации населения.

Анализируя социальный портрет преступника в Забайкальском крае, следует отметить, что 47,6 % преступлений совершается лицами в возрасте от 30 до 47 лет, 42,0 % из них имеют только начальное или основное общее образование, 69,4 % — лица, не имеющие постоянных источников доходов.

Исследование показывает, что в подавляющем большинстве случаев преступниками становятся работоспособные безработные граждане. Бедность, безработица, инфляция формируют позицию жить одним днем, поскольку у граждан отсутствует надежда на будущее.

Еще одним значимым фактором виктимизации является миграция населения, которую можно разделить на внутреннюю и внешнюю.

Рис. 2. Динамика результативности процессов социокультурного развития и криминализации населения в Забайкальском крае, баллов

Fig. 2. Dynamics of the effectiveness of socio-cultural development and criminalization of population in Transbaikal Region, points

Рис. 3. Динамика результативности процессов создания рабочих мест и криминализации населения в Забайкальском крае, баллов

Fig. 3. Dynamics of the effectiveness of creating workplaces and criminalization of population in Transbaikal Region, points

Внутренняя миграция вызвана неравномерностью экономического развития регионов России, межнациональными проблемами и ростом преступности в ряде регионов страны. Забайкальский край на сегодня является одним из наиболее непривлекательных мест для постоянного проживания. Неблагоприятное экономическое положение усугубляется суровыми климатическими условиями. По данным краевого статистического ведомства, в январе — ноябре 2017 г. за счет миграционного оттока численность населения края сократилась на 7 294 чел. (в январе — ноябре 2016 г. миграционная убыль составила 5 738 чел.). Таким образом, за год миграция выросла на 21 %³.

Отсюда можно сделать вывод, что Забайкальский край не способен обеспечить стабилизацию численности трудоспособного населения за счет внутренних демографических ресурсов, потребность в трудовых ресурсах удовлетворяется за счет иммиграционных потоков. Забайкальский край является транзитным пунктом для мигрантов из Китая, Монголии, а также принимающей стороной для выходцев из Таджикистана, Киргизии и других стран СНГ. Уезжают высококвалифицированные работники, как правило имеющие высшее образование, а приезжают малограмотные неквалифицированные рабочие, которые занимают рабочие места, связанные с низкоквалифицированным трудом. Приехавшие в край гастарбайтеры, привыкшие к полулегальным формам работы и контактам с криминалом, создают формы занятости низкого уровня организации трудового процесса, формируя токсичную среду на рынке труда. Следует сказать, что повышенная степень виктимности отмечается прежде всего среди самих мигрантов, и главным образом среди незаконных мигрантов. Иностранцы граждане в данных условиях зачастую сами становятся жертвами преступления. Однако такие преступления носят латентный характер, трудно поддаются раскрытию и тем более изучению.

По данным табл. 3 очевидно, что основная доля преступлений против мигрантов носит экономический характер и приходится на кражи.

Анализ преступности в отношении мигрантов с 2013 по 2016 г. выявил меняющуюся тенденцию по признаку гражданства лиц, совершивших преступления, и жертв преступлений.

³ Отток населения из Забайкалья увеличился на 21 %. URL: https://zab.ru/news/102422_ottok_naseleniya_iz_zabajkalya_uvelichilsya_na_21_zh_god.

Так, в приграничных районах — Забайкальском, Приаргунском, Краснокаменском — по-прежнему доминирует преступность граждан Китая и в отношении граждан Китая. В районах с более развитой инфраструктурой и промышленностью увеличивается преступность граждан из стран СНГ. Например, в Хилокском, Петровско-Заводском районах отмечена устойчивая тенденция регистрации фактов преступлений, совершенных гражданами — выходцами и стран СНГ и в отношении этих граждан.

Преступления против иностранных граждан обусловлены их бесправным положением. Для преступного сообщества особенно незаконные мигранты представляют желательный объект преступления, так как незаконный мигрант в силу своей юридической бесправности не будет обращаться в правоохранительные органы за защитой нарушенного права. В связи с этим на первый план выходят механизмы адаптации и интеграции мигрантов, в том числе в целях предупреждения их преступности. Общественное мнение также формирует негативный образ мигрантов, со стороны средств массовой информации имеет место преувеличение слухов по поводу национального состава лиц, совершивших преступления, что также служит виктимизации мигрантов. В данном контексте необходимо проводить просветительскую, разъяснительную, воспитательную работу с мигрантами, что будет способствовать девиктимизации самих приезжих, а также снижению виктимизации в целом.

Несмотря на крайне негативный и виктимогенный социальный фон, сложившийся на сегодняшний день в Забайкальском крае, главным фактором виктимизации является личность. Социальные предпосылки лишь определяют степень возможной виктимизации. И здесь особую роль в социализации личности играют семья и окружение, неблагополучные ситуации, связанные с высоким уровнем преступности. В этой связи в Забайкальском крае отмечается повышенная виктимность среди несовершеннолетних.

Несовершеннолетних жертв преступлений можно разделить на две подгруппы. В первую подгруппу входят малолетние дети, в отношении которых чаще всего совершают преступления их родители или члены семьи, близкие родственники. Вторая подгруппа — несовершеннолетние в возрасте 12–14 лет, которые наиболее виктимны. В этом возрасте подрост-

Таблица 3 / Table 3

Динамика числа преступлений против иностранных граждан в Забайкальском крае*
Dynamics of the number of crimes against foreign citizens in Transbaikalian Region

Преступления против иностранных граждан / Crimes against foreign citizens	2012	2013	2014	2015	2016
Всего (из них против граждан КНР) / Total (incl. against citizens of China)	75 (44)	73 (27)	92 (29)	92 (29)	76 (26)
Убийства / Homicide	3	–	5	3	3
Разбои / Plunder	7	6	2	4	3
Грабежи / Robberies	3	5	8	6	9
Кражи / Thefts	23	33	55	51	48

* Составлена по данным, предоставленным по запросу УМВД по Забайкальскому краю. Ответ на запрос № 915-1181 от 14 февраля 2017 г.

ки, не умея приспособиться к ситуации, не обладая жизненным опытом, часто являются объектами вовлечения в преступные сообщества, при этом становятся не только жертвами преступлений, но и преступниками. Несмотря на то что из года в год происходит снижение количества преступлений, совершенных несовершеннолетними, Забайкалье остается лидером по удельному весу этого вида преступности среди сибирских регионов. Данный показатель в Забайкалье в два раза превышает среднероссийский⁴.

Примером преступного сообщества, вовлекающего несовершеннолетних, является АУЕ — Арестантско-уркаганское единство, существование которого подтвердили в Совете при Президенте РФ по правам человека. Было установлено, что многие детские учреждения Забайкальского края находятся под влиянием криминальной субкультуры⁵.

Показательный пример подростковой преступности в Забайкальском крае заставил обратить внимание на этот вопрос Совет по правам человека. Так, 2 февраля 2016 г. в г. Хилок группа подростков, находившихся в состоянии алкогольного опьянения, напала на местное отделение полиции. Полицейские вынуждены были забаррикадироваться в помещении отдела. Подростки разбили ка-

меры наблюдения, повредили полицейский автомобиль и, после того как полицейские открыли предупредительный огонь, скрылись. В средствах массовой информации неоднократно сообщалось, что в образовательных учреждениях осуществляются поборы на нужды группировки, которыми облагают всех школьников, включая даже первоклассников. Детей, не согласных платить, подвергают издевательствам и избиениям. Полученные в школах средства члены группировки отправляют заключенным в места лишения свободы в виде передач. Подобный сбор является подтверждением существующей тесной связи между подростковыми группировками и взрослым криминальным миром. Такие группировки создают ситуативную и чаще всего невинную виктимность, которой подвержены все учащиеся школы независимо от возраста и пола. В этих случаях происходит обратное тому, на что указывал Г. Гентиг: как раз преступники, как правило, известны, а жертвы — нет, потому что молчат из-за страха возмездия [21]. В преступные группы вовлекаются дети из неблагополучных семей, и зачастую основной их мотив — корысть. Быть участником преступной группировки является для них престижным, и, вступая в нее, они несколько улучшают свое материальное положение. Таким подросткам, которые в своей жизни не видели ничего хорошего, не страшна угроза наказания.

Обобщая исследование факторов, детерминирующих виктимизацию населения Забайкальского края, мы можем сделать вывод, что к основным региональным факторам следует отнести:

⁴ Ситуация с детской преступностью в Забайкалье — худшая в Сибири. URL: https://zab.ru/news/96876_situaciya_s_detskoj_prestupnostyu_v_zabajkale_hudshaya_v_sibiri.

⁵ В Забайкальском СК открыли два новых отдела — для расследования задержек зарплат и преступлений против детей. URL: <https://www.newsru.com/russia/18oct2016/zabaikalsk.html>.

1. Низкий уровень социально-экономического развития, не обеспечивающий необходимый уровень удовлетворения жизненно важных потребностей населения.

2. Объективный демографический спад, обусловленный эмиграцией самой активной части общества, способствующий социально-экономической и культурной деградации региона.

3. Семейное неблагополучие, связанное с низкими доходами родителей, неудовлетворительными жилищными условиями, высоким уровнем потребления алкоголя и наркотиков.

В качестве мер профилактики виктимизации Забайкальского края предлагаем:

1. Проведение мониторинговых исследований с целью получения достаточно надежной

информации о факторах и масштабах виктимизации для принятия надлежащих управленческих решений.

2. Проведение научно обоснованной сегментированной и целенаправленной работы по девиктимизации мигрантов (включая распространение информации виктимологического характера, психологическую помощь, специализированную работу с группами населения, регулярно контактирующими с мигрантами).

3. Формирование четкой идеологической парадигмы воспитания молодежи.

4. И наконец, создание достойных условий жизни для населения, повышение уровня экономического развития региона, создание цивилизованной социальной структуры в Забайкалье.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Репецкая А.Л. Проблемы предупреждения девиантного поведения молодежи и организация системы ее криминологической защиты / А.Л. Репецкая // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2012. — № 2 (82). — С. 145–149.

2. Рачкова Н.М. Характеристика ситуации совершения преступления как основного фактора, детерминирующего региональную уличную преступность / Н.М. Рачкова // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2012. — № 5 (85). — С. 120–123.

3. Воронин Ю.А. Правовая виктимологическая политика России: концептуальные аспекты / Ю.А. Воронин, А.В. Майоров // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2015. — Т. 9, № 2. — С. 201–208. — DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(2).201-208.

4. Защищенность граждан от преступных посягательств в современной России: основные тенденции и детерминанты / Е.В. Фролова [и др.] // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2015. — Т. 9, № 3. — С. 525–537. — DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(3).525-537.

5. Iliadis M. Providing a Check on Prosecutorial Decision-making: An Analysis of the Victims' Right to Review Reform / M. Iliadis, A. Flynn // The British Journal of Criminology. — 2018. — Vol. 58, iss. 3. — P. 550–568. — DOI: 10.1093/bjc/azx036.

6. Abel M.H. Mediation and Moderation in Ratings of Hostile Jokes by Men and Women / M.H. Abel, J. Flick // Journal of Politeness Research. — 2012. — № 2. — P. 193–216.

7. Sherman B.L.W. Increased Death Rates of Domestic Violence Victims from Arresting vs. Warning Suspects in the Milwaukee Domestic Violence Experiment (MilDVE) / B.L.W. Sherman, H.M. Harris // Journal of Experimental Criminology. — 2014. — Vol. 11, iss. 1. — P. 1–27.

8. Hall M. Victims of Crime. Policy and Practice in Criminal Justice / M. Hall. — Portland : Willan, 2009. — 262 p.

9. Heber A. Good Versus Bad? Victims, Offenders and Victim-Offenders in Swedish Crime Policy / A. Heber // European Journal of Criminology. — 2014. — Vol. 11, iss. 4. — P. 410–428. — DOI: 10.1177/1477370813503920.

10. Socioeconomic Differences in Violent Victimization: Exploring the Impact of Data Source and the Inclusivity of the Violence Concept / M. Aaltonen [et al.] // European Journal of Criminology. — 2012. — Vol. 9, iss. 6. — P. 567–583. — DOI: 10.1177/1477370811422800.

11. Франк Л.В. Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии / Л.В. Франк. — Душанбе : Ирфон, 1977. — 237 с.

12. Вишневецкий К.В. Виктимизация: факторы, условия, уровни / К.В. Вишневецкий // Теория и практика общественного развития. — 2014. — № 4. — С. 226–227.

13. Karmen A. Crime Victims: An Introduction to Victimology / A. Karmen. — Belmont : Wadsworth, 2003. — 269 p.

14. Wolhuter L. Victimology: Victimization and Victims' Rights / L. Wolhuter, N. Olley, D. Denham. — London : Routledge-Cavendish, 2009. — 301 p.

15. Ривман Д.В. Криминальная виктимология / Д.В. Ривман. — СПб. : Питер, 2002. — 304 с.

16. Ривман Д.В. Виктимологические факторы и профилактика преступлений : учеб. пособие / Д.В. Ривман. — Л., 1975. — 154 с.

17. Коновалова В.П. Виктимность и ее профилактика (Душанбе) / В.П. Коновалова // Виктимологические проблемы борьбы с преступностью : сб. науч. тр. — Иркутск, 1982. — С. 25–31.

18. Суходолов А.П. Моделирование процесса анализа криминализации общества с использованием когнитивной методологии / А.П. Суходолов, В.А. Маренко // Известия Байкальского государственного университета. — 2017. — Т. 27, № 4. — С. 577–584. — DOI: 10.17150/2500-2759.2017.27(4).577-584.

19. Варчук Т.В. Виктимология / Т.В. Варчук, К.В. Вишневецкий. — М. : Юнити-Дана, 2008. — 191 с.

20. Ковальчук Л.Б. Механизмы социально-экономических процессов в отдельных регионах Сибирского федерального округа / Л.Б. Ковальчук // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2016. — Т. 26, № 1. — С. 99–106. — DOI: 10.17150/1993-3541.2016.26(1).99-106.

21. Hentig H. Remarks on the Interaction of Perpetrator and Victim / H. Hentig // The Journal of Criminal Law and Criminology. — 1941. — Vol. 31, iss. 3. — P. 303–309.

REFERENCES

1. Repetskaya A.L. Some Problems of Preventing Deviant Behaviour of the Young and Organizing a System of Criminological Protection of the Young. *Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii = Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy*, 2012, no. 2 (82), pp. 145–149. (In Russian).

2. Rachkova N.M. Characteristics of Situation of Crime Committing as a Main Factor of Regional Street Crime. *Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii = Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy*, 2012, no. 5 (85), pp. 120–123. (In Russian).

3. Voronin Yu.A., Mayorov A.V. Legal Victimological Policy of Russia: Conceptual Aspects. *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava = Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2015, vol. 9, no. 2, pp. 201–208. DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(2).201-208. (In Russian).

4. Frolova Ye.V., Medvedeva N.V., Senicheva L.V., Bondaletov V.V. The Security of Citizens against Criminal Offences in Modern Russia: Key Tendencies and Determinants. *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava = Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2015, vol. 9, no. 3, pp. 525–537. DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(3).525-537. (In Russian).

5. Iliadis M., Flynn A. Providing a Check on Prosecutorial Decision-making: An Analysis of the Victim's Right to Review Reform. *The British Journal of Criminology*, 2018, vol. 58, iss. 3, pp. 550–568. DOI: 10.1093/bjc/azx036.

6. Abel M.H., Flick J. Mediation and Moderation in Ratings of Hostile Jokes by Men and Women. *Journal of Politeness Research*, 2012, no. 2, pp. 193–216.

7. Sherman B.L.W., Harris H.M. Increased Death Rates of Domestic Violence Victims from Arresting vs. Warning Suspects in the Milwaukee Domestic Violence Experiment (MilDVE). *Journal of Experimental Criminology*, 2014, vol. 11, iss. 1, pp. 1–27.

8. Hall M. *Victims of Crime. Policy and Practice in Criminal Justice*. Portland, Willan, 2009. 262 p.

9. Heber A. Good versus Bad? Victims, Offenders and Victim-Offenders in Swedish Crime Policy. *European Journal of Criminology*, 2014, vol. 11, iss. 4, pp. 410–428. DOI: 10.1177/1477370813503920.

10. Aaltonen M., Kivivuori J., Martikainen P., Sirén R. Socioeconomic Differences in Violent Victimization: Exploring the Impact of Data Source and the Inclusivity of the Violence Concept. *European Journal of Criminology*, 2012, vol. 9, iss. 6, pp. 567–583. DOI: 10.1177/1477370811422800.

11. Frank L.V. *Poterpevshie ot prestupleniya i problemy sovetskoi viktimologii* [Crime Victims and Problems of Soviet Victimology]. Dushanbe, Irfon Publ., 1977. 327 p.

12. Vishnevetskiy K.V. Victimization: Factors, Conditions, Levels. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*, 2014, no. 4, pp. 226–227. (In Russian).

13. Karmen A. *Crime Victims: An Introduction to Victimology*. Belmont, Wadsworth, 2003. 269 p.

14. Wolhuter L., Olley N., Denham D. *Victimology: Victimization and Victims' Rights*. London, Routledge-Cavendish, 2009. 301 p.

15. Rivman D.V. *Kriminal'naya viktimologiya* [Criminal Victimology]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2002. 304 p.

16. Rivman D.V. *Viktimologicheskie faktory i profilaktika prestuplenii* [Victimological Factors and Crime Prevention]. Leningrad, 1975. 154 p.

17. Konovalova V.P. Victimhood and its prevention (Dushanbe). *Viktimologicheskie problemy bor'by s prestupnost'yu* [Victimological Issues of Counteracting Crime]. Irkutsk, 1982, pp. 25–31. (In Russian).

18. Sukhodolov A.P., Marenko V.A. Modeling the Criminalization of Society Analysis Process Using the Cognitive Methodology. *Izvestiya Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Baikal State University*, 2017, vol. 27, no. 4, pp. 577–584. DOI: 10.17150/2500-2759.2017.27(4).577-584. (In Russian).

19. Varchuk T.V., Vishnevetskiy K.V. *Viktimologiya* [Victimology]. Moscow, Yuniti-Dana Publ., 2008. 191 p.

20. Kovalchuk L.B. Mechanisms of Social and Economic Processes in Selected Regions of the Siberian Federal District. *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii = Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy*, 2016, vol. 26, no. 1, pp. 99–106. DOI: 10.17150/1993-3541.2016.26(1).99-106. (In Russian).

21. Hentig H. Remarks on the Interaction of Perpetrator and Victim. *The Journal of Criminal Law and Criminology*, 1941, vol. 31, iss. 3, pp. 303–309.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Маркова Ольга Александровна — заведующий кафедрой гражданского и уголовного права и процесса Читинского института (филиала) Байкальского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент, г. Чита, Российская Федерация; e-mail: markova2007@bk.ru.

Ковальчук Людмила Борисовна — заместитель директора Читинского института (филиала) Байкальского государственного университета, кандидат экономических наук, доцент, г. Чита, Российская Федерация; e-mail: kovalchuklb@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Markova, Olga A. — Head, Chair of Civil and Criminal Law and Process, Chita Institute (branch) of Baikal State University, Ph.D. in Law, Ass. Professor, Chita, the Russian Federation; e-mail: markova2007@bk.ru.

Kovalchuk, Lyudmila B. — Deputy Head, Chita Institute (branch) of Baikal State University, Ph.D. in Economics, Ass. Professor, Chita, the Russian Federation; e-mail: kovalchuklb@mail.ru.

Кошелев Михаил Сергеевич — руководитель научной лаборатории «Центр социально-культурной адаптации мигрантов» Читинского института (филиала) Байкальского государственного университета, г. Чита, Российская Федерация; e-mail: deus_1986@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Маркова О.А. Детерминанты криминогенной виктимизации населения Забайкальского края / О.А. Маркова, Л.Б. Ковальчук, М.С. Кошелев // Всероссийский криминологический журнал. — 2019. — Т. 13, № 1. — С. 61–72. — DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(1).61-72.

Koshelev, Mikhail S. — Head, Research Laboratory «Center for social and Cultural Adaptation of Migrants», Chita Institute (branch) of Baikal State University, Chita, the Russian Federation; e-mail: deus_1986@mail.ru.

FOR CITATION

Markova O.A., Kovalchuk L.B., Koshelev M.S. Determinants of criminogenic victimization of Transbaikal Region's population. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2019, vol. 13, no. 1, pp. 61–72. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(1).61-72. (In Russian).